

Опасные
удовольствия

Яна Розова Седьмая жертва

Яна Розова
Седьмая жертва

«Автор»

2011

Розова Я.

Седьмая жертва / Я. Розова — «Автор», 2011

Трагическая и скоропостижная гибель популярного рок-музыканта Олега Видаля вызвала громкий резонанс в прессе и вокруг почитателей русского рока. Но понемногу шум стихал, оставляя удел печалиться лишь самым близким людям. К сороковинам несколько женщин получили приглашение на особенный вечер памяти Олега – в его дачный дом в лесу, уединенное убежище, где им предстояло ознакомиться с последней волей того, в чьей жизни любая из них сыграла особенную роль. И только оказавшись в лесном доме, женщины сообразили, что угодили в смертельную ловушку, из которой им не вылезти...

© Розова Я., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Порше, 18 лет	5
Дом Видаля	14
Марина Попова, 30 лет	21
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Яна Розова

Седьмая жертва

Порше, 18 лет

*А падение Икара —
это не кара
за что-то.
Это продолжение полета...*

“Икар” Альбом “Мировое турне”, 2009 год Группа “Алхимик”

О смерти Видаля она узнала от своего менеджера – Кати Каретниковой.

Сама Порше ничего не видела. Она была в гримерке, то есть, в вагончике, поэтому так и получилось.

Катя прибежала в гримерку, как только рокер грохнулся на землю и отдал концы. Она сказала, что Порше будет душой, если не даст интервью, по крайней мере, трем каналам.

– Но что говорить?

Порше эти журналисты были до лампочки.

– Говори, что ничего не помнишь, потому что ты в шоке, очень расстроена. Вы вчера были вместе, провели ночь у него в квартире. Поняла? Что-нибудь хорошее о нем скажи!

– Да что хорошее?

Катя зло махнула на нее рукой, и тогда Порше поняла, что не права. Зачем признаваться, что она как дурочка сидела в гримерке? Конечно, надо пообщаться с прессой, и тогда ее лицо увидит вся страна – крупным планом! Да, дневное освещение, при котором будет снимать телевидение, никуда не годилось. Глубина ее голубых миндалевидных глаз, правильность черт потерялись бы сразу. А у нее лицо “правильное”, и это отмечают все фотографы, которые ее снимали... Правда, овал лица при дневном свете не пострадал бы и цвет волос тоже. Но цвет волос ей был не важен – волосы красятся.

Дневной свет хорошо давал фигуру, это Порше давно заметила. На фотографиях, сделанных где-нибудь на пляже, фигура Порше смотрелась намного лучше, а кожа – более гладкой, чем при студийной съемке. И это загадка. Так быть не должно, тем более что цвет кожи Порше очень светлый, с голубоватым оттенком, а загорать ей в последнее время Катя запретила. На апрель она заключает договор об участии в показе нижнего белья, а сейчас загар не в моде. Причем показ будет в Милане! Скорее бы апрель!

Вообще-то, до того апреля всего месяц остался, а двадцатого марта они сядут в самолет и – здравствуй, Италия! Вот это будет работа, вот это будет начало всему!

Порше была уверена в себе – она станет знаменитой моделью. Да, говорят, что время топ-моделей прошло, говорят, что теперь вернулось время вешалок, но это все чушь. В любое время были те самые-самые, которые становились центром этой Вселенной – Вселенной моды. Порше и будет такой самой-самой.

У нее есть все данные: рост метр семьдесят девять, фигура, небольшая красивая грудь – из-за которой ее и взяли участвовать в показе белья. Но главное, она не дура и у нее есть характер.

Ну, и еще всякие мелочи. Например, она не толстеет. Это очень хорошо для модели – все будут падать в обморок, потому что питаются листочками салата, а Порше будет сниматься, работать хоть три ночи напролет. Она выносливая, это тоже важная мелочь. И не грех повто-

рять, что характер у Порше – железный. Она не позволит скинуть ее со счетов только потому, что сдали нервы или кто-то ей нахамил. Ни за что.

Она всегда держалась спокойно и без пафоса, так и будет держаться всегда. Вот даже сейчас – что бы сделала капризная избалованная кобыла, каких полно во всех модельных агентствах? Начала бы визжать, орать, предъявлять претензии менеджеру, съемочной группе, всем, кто под руку подвернется. И в следующий раз ее никуда бы не пригласили. Даже бесплатно работать – и то не позвали бы. А Порше не такая. Сейчас она спокойно и терпеливо подготовит для интервью свое лицо и выйдет к журналистам.

Порше, конечно, сообразила, что влипла в дерьмо. Денег за съемку ей теперь не увидеть, потому что клипа не будет. А она целый день вчера проторчала на этом раннем, но ярком солнце, в пыли. Правда, особо напрягаться не пришлось: отсняли всего несколько секунд, как поняла Порше из того, что сказал лысый и злой оператор. Он долго матерился, потому что свет был не тот, рокер, который в клипе снимался, был не в духе, а в бензобаке самолета кончилось топливо. Ну и так далее: камера забарахлила, группа привезла не те инструменты, а барабанщик вывихнул запястье и не мог чего-то там делать, что надо было по сценарию.

И только Порше осталась на высоте. С ней все было в порядке: из одежды, что ей Катя привезла, Порше быстро отобрала нужное, быстро переоделась, а когда режиссер велел ей сменить белую рубашку на коричневую майку, она безропотно подчинилась и вернулась на съемочную площадку.

Ей сказали, что надо идти по полю, пока на нее не нападут два жлоба. Это будет в начале. Потом снимут, как два жлоба ее связали и стали угрожать. А потом появится красивый герой и спасет ее.

Порше так и не поняла, зачем Видаль вызвался прыгать с парашютом – герой-спаситель в клипе – это не он, спасителя должен был играть актер, который, как сказала ей Катя, имел разряд по парашютному спорту. Порше видела его – небось, еще и бодибилдер. Очень уж прокачанный. Но лицо такое юношеское, глаза карие, ясные и стильная стрижка. Если бы Порше интересовалась красивыми мальчиками, она бы точно запала. Но Порше интересовалась только работой.

* * *

Пока Порше снимала грим, с утра нанесенный гримером, Катя снова побежала на поле, туда, где возле машины скорой помощи были все, кто принимал участие в съемках клипа. Скорая там с самого утра находилась – это такие правила для съемок, а сейчас и милиция подъехала. Тело, наверное, еще не увезли.

Порше вдруг взгрустнулось. Этот рок-певец, что разбился, он был ничего... Неплохой человек, хоть в постели у него ничего и не вышло. Но он пьяный был, нервничал почему-то, не мог расслабиться. Порше не очень в его дела вникала, но поняла, что до стресса его довел тот невысокий кряжистый мужик, Карелов или Карелин. Он был менеджером рок-группы, для которой снимался клип. Порше так и не узнала, на какую песню.

Сейчас она была одета в льняные брючки и майку. Повертелась перед зеркалом – как это будет выглядеть по телевизору? Кажется, нормально. Майка хорошо сидит, ловко, а уж штанишки – просто класс. Жаль, сзади в полный рост ее снимать не будут!

Вбежала Катя:

– Ленка, ты готова? Я тут с ребятами с первого канала договорились – они тебя хотят послушать.

– Телевизионщики уже тут?

– Ну, да! Витя их позвал сразу, как только Видаль разбился.

Витя – это менеджер, догадалась Порше. Четко работает.

– Ну, идем, скорее!

Порше вышла из гримерки, увидела камеру стоящего прямо возле ступенек оператора и посмотрела туда долгим умным взглядом. Она не должна улыбаться, ни на секундочку, ведь ей придется признаться, что провела ночь с этим... как его? С Видалем. С Олегом.

Его имя Порше с трудом запомнила только вчера вечером. Ей снова стало грустно. Но это как раз нормально – камера должна уловить настроение.

Оператор, вынырнув из-за объектива, осмотрел ее с ног до головы и сказал:

– Вы – та модель? Хорошо. Пойдемте на поле. Будем снимать так, чтобы на заднем плане было видно скорую.

– Но мне тогда будет солнце в глаза светить! – вежливо возразила Порше.

Если оператор думает, что Порше согласится выглядеть во время съемки как печеное яблоко, морщась на солнце, то он глубоко ошибается!

Оператор, видно, в советах не нуждался, потому что, немного погоняв Порше по полю и заставив ее повернуться на месте, выбрал-таки то положение, когда солнце и не резало ей глаза, и освещало так, как надо.

Тут же к Порше подбежала журналисточка – страшненькая, черт знает во что одетая.

Она начала задавать вопросы, но неудачно расположилась перед камерой – оператор ее перебил и велел стать левее.

– Давай, Олеся! – наконец скомандовал он, и Олеся по второму кругу завела свою бодягу.

Порше сначала напряглась: как она там смотрится, в этой камере? Хоть бы уж Катька заглянула оператору через плечо, в дисплейчик. Ох, точно у нее щеки ввалившимися получатся! Месяц назад Порше снимали для рекламы одного магазинчика в Гродине – свет софита был вот так же расположен, как солнце сейчас светило – сверху и чуть сбоку. Оказалось, при таком освещении у Порше лицо как череп! Запавшие глаза, проваленные щеки, лоб как у Ленина – до самого затылка. Фу, уродка!

Но потом успокоилась. Все будет хорошо, иначе быть не может. Главное, держать марку!

Интервью продлилось всего несколько минут, а потом телевизионщики подхватились и смылись, как говорила мама Порше.

Катьку тоже унесло в поля, а Порше зачем-то пошла к группе людей, столпившихся возле скорой. Там был и менеджер, и те ребята, с которыми она вчера вечером после съемок ужинала.

Двое из них были помоложе, очень такие фактурные: высокие, длинноногие, с красивыми бицепсами-трицепсами, татуировками и ухоженными гривами. Оба стояли ссутулившись, опустив головы, и тихо переговаривались между собой. Было видно, что они потрясены, но до конца свою потерю еще не осознали. Один из музыкантов покачивался на месте, словно у него кружилась голова, а второй нервно теребил серебряный перстень на большом пальце правой руки.

Порше остановилась чуть позади них. Она уже пригляделась к этой их рокерской эстетике и сделала вывод, что кое-какие вещи – кожаные брюки или эти их черные майки без рукавов – выглядели даже сексуально. Она представила себе фотосессию, где ее сняли бы в цепях и коже. Порше это было бы к лицу. Ее хрупкость и бледность великолепно оттенялись бы brutальными аксессуарами. Хотя, наверное, такие фотосесии уже и раньше снимались?

Порше огляделась. Один мужик, седой и полный, плакал. Он не всхлипывал, не причитал, а стоял, закрыв лицо руками, и было видно, что сквозь пальцы текут слезы. Еще один курил и что-то возбужденно говорил – о стропах парашюта, которые запутались, и о том, что все теперь скажут, будто Видадь слишком долго возился с этими стропами, потому что растерялся и в итоге поздно раскрыл запасной парашют. Но Видадь, говорил тот мужик, не растерялся, он не такой. Это все потому, что парашют был сложен неправильно, а Олежка не выпался, не отдохнул. Еще несколько человек стояли рядом молча. Их лица словно заледенели.

Из-за спин впереди стоящих Порше не могла видеть мертвого тела. Да ей и не хотелось бы. И только уходя, она краем глаза заметила мятую простыню. Один ее край был пропитан кровью (Порше передернулась), а чуть дальше из-под белой ткани выглядывала бледная мужская рука с черным напульсником.

Менеджер, то есть тот самый кряжистый Виктор, повернулся к Порше и сказал ей:
– Насмерть... сразу, в ту же секунду.

Порше, которой было не по себе, опустила глаза и пошла к гримерке. Она хотела скорее выбраться отсюда. Раз день прошел зазря, то надо хоть отдохнуть. Сколько дней она уже не высыпается! Целую неделю до съемок этого чертова клипа проторчала на выставке – просто чтобы подзаработать. А сюда, на аэродром ДОСААФ, пришлось два дня приезжать к восьми утра.

Тут откуда-то выскочила Катя и потянула Порше за собой.

– Сейчас будет съемка еще одного канала, так что – не расслабляйся. Ты себе имя делаешь! Он, оказывается, очень большая звезда. Его все знают. Вас вчера кто-нибудь вместе фотографировал?

– Ну... – Порше призадумалась, – кажется, был парень с фотоаппаратом. Да, точно был. Он пришел вместе с Виктором.

Катя обрадовано рассмеялась и даже хлопнула в ладоши.

– Забери свои вещи из гримерки и иди в мою машину. Вот ключи. Я сейчас постараюсь договориться о фотках. Мы их невзначай сунем в портфолио!

Порше направилась к вагончику. Трудно было поверить, что на дворе был всего-навсего начало марта. Каких-то две недели назад в городе лежал снег, а три дня назад его смыл настоящий весенний ливень с громом и молнией. А сегодня – плюс двадцать.

Логично было бы представить, что зима еще вернется – короткой метелью, холодными днями, но об этом сейчас даже не думалось.

Идти к гримерке нужно было по сухой траве, пожелтевшей за зиму под снегом. Она оставляла на льняных брюках пыль и всякие цепкие семена. Порше забрала из вагончика свою большую сумку, села в машину и завела мотор, чтобы включился кондиционер.

* * *

Вообще-то Порше не слишком обрадовалась, когда Катка сказала, что менеджер рок-группы “Алхимик” выбрал ее для съемок в клипе Видаля. Он, видите ли, искал модель уже три месяца. Порше единственная, у кого обнаружился такой беззащитный взгляд.

У этого Карелина тоже был бы такой взгляд, если бы папаша лупцевал его по морде за то, что он поздно возвращался из школы. Смешно: теперь с помощью этого взгляда Порше зарабатывает.

А не слишком обрадовалась она потому, что денег обещали немного, и продвижения в карьере Порше от этих съемок не ожидалось никакого.

Да и рок-музыку она считала бессмысленным шумом. Рокеры казались ей психами, дураками какими-то. О группе “Алхимик” она вообще никогда не слышала.

Вот если бы ее пригласили сниматься в клипе Димы Билана... Вот это круто. Тут бы во всех журналах написали, что вот, российская поп-звезда снимает новый клип, а в качестве партнерши он выбрал совсем молодую, еще неизвестную, но обладающую незаурядным потенциалом модель. Еще бы пара фоток как иллюстрация – и все, Порше прорвалась... Но все впереди, уговаривала себя Порше. Еще позовут. И к Билану в том числе. Порше шестнадцать, она только начала свой путь.

Сюда, на аэродром ДОСААФ, они вчера приехали очень рано. Пока пришел режиссер, объяснил задачу, сказал, какой нужен макияж, пока этот мейк-ап делался, сто лет прошло.

Потом Порше долго гоняли по полю. Становилось все жарче, отчего грим расплзался. Гример каждые полчаса поправляла ей лицо, а дело с места не двигалось.

Наконец Порше отпустили отдохнуть и перекусить. Она пошла под навес для съемочной группы, где были подготовлены напитки, бутерброды и, самое главное, отсутствовало солнце.

Там Порше впервые и увидела Видаля. Он появился под навесом, когда там собралась уже куча народу, и все как-то сразу повернулось в его сторону. Повинуясь стадному инстинкту, Порше тоже уставилась на него, а разглядев, снова принялась за бутерброды.

Он ее не поразил. Сразу было видно, что этот человек не так уж молод – он сильно сутулился, под глазами набрякшие мешки, и весь он был как будто выжатый, как будто что-то сильно достает его по жизни. С высоты собственного роста Порше показалось, что он не слишком высокий. А в плане стиля – какой-то весь небрежный, помятый: старые джинсы, драные не из-за моды, а из-за долгого своего существования, бесформенная футболка, стоптанные кеды. Самым неприятным в его образе были эти длинные седеющие русые волосы, вроде линиялы. Они свисали ему на лицо, а он их даже не откидывал с глаз. Будто бы падающие на лицо волосы уже победили этого человека, и он смирился. И с этим тоже.

Видадь перездоровался со всеми, но без единой улыбки. Сел рядом со своими музыкантами – теми, молодыми и фактурными. Взял сок, выпил глоток и уперся лбом в подставленную ладонь. Наверное, у него болела голова.

Ребята из группы стали что-то ему рассказывать, что-то веселое, он улыбнулся им раз, но не больше.

Тут под навес пришел этот типчик – Виктор. Подошел к Видадю, а тот посмотрел на него тяжелым взглядом и сказал удивительно глубоким, густым голосом:

– Что еще желает дьявол?

– Дьявол желает ночи, – непонятно ответил Виктор, и все рассмеялись.

Что тут было смешного – Порше не поняла. Один парень из операторской группы объяснил ей позже, что это слова из песни Видаля. Ей, конечно, смешнее не стало, но все-таки она что-то поняла.

Только оказалось, что Видадь не шутит. Пока все смеялись, Виктор что-то стал говорить ему, и он замотал головой:

– Я не буду подписывать тот контракт. Я не хочу. Витя, ты не понимаешь? Ты же из меня чучело делаешь, таксидермист проклятый! Тебе надо с попсой работать, а ты меня раскатывашь под денежные купюры. Ну, как тебе объяснить? Я себя уже не уважаю из-за твоих коммерческих проектов! Сколько лет я под твою дудку прыгаю? Рок – это другое, это не добыча денег, когда ты въедешь?

Витя что-то залопотал ему, но голос Видаля – оцененный даже Порше – прозвучал в этом маленьком мирке под шиферной крышей ясно, как истина:

– Витя, я хочу снова быть собой, ты понял? По-твоему, я Игги Поп?!

Порше никогда не стала бы обсуждать с менеджером свои дела вот так, прилюдно. Она считала, что окружающим ни к чему слушать такие вещи, поэтому допила свой сок и пошла в примерку. Ей сказали, что снимать ее будут, по крайней мере, через пару часов, не раньше.

Но это случилось не через пару часов, а только вечером, перед закатом солнца. Она шла на камеру и смотрела на софит. Чуть не ослепла. Надо будет впредь в контрактах даже вот такие вещи прописывать. А для этого сначала требовать сценарий клипа или рекламного ролика. Ведь ее будут приглашать и для съемки в рекламных роликах. Но лучше бы чаще звали за границу!

* * *

Всех, кто работал над клипом, после съемок позвали в ресторан. Причем в “Джаз”. В другое место Порше не пошла бы.

Правда, эти рокеры были одеты безобразно, даже не потрудились привести себя в порядок после целого дня на поле, в жару. Потные, в джинсах, в каких-то пыльных тапках – в таком виде эти придурки вломились в лучший ресторан города. Порше с Катей вошли вместе с ними, хоть и чувствовали себя, мягко говоря, неловко.

Самое странное, что группу и всех остальных встретил сам владелец ресторана, проводил в вип-зал, посадил за уже накрытые столы. Видаль оказался напротив Порше. Вечером он явно лучше выглядел, и при ближайшем рассмотрении оказался намного приятнее. Да и выпивка ему на пользу пошла.

Порше тут же вспомнила своего собственного отца, умершего пять лет назад, когда она была еще совсем ребенком. Папа тоже добрел от водки, становился почти даже человеком. В остальное время он ненавидел всех вокруг. Особенно свою жену, мать Порше, да и дочку тоже не жаловал.

Вспоминать отца Порше не любила, поэтому тут же выбросила его из головы, тем более что больше ничем, кроме этой черты – добреть от алкоголя – Видаль ее отца не напоминал. Даже в голову не приходило, что он мог бы хватать жену за волосы и тыкать ее лицом в стену. Или щипать дочь за мягкие части тела и мерзко смеяться.

Скорее, Видаль был похож на учителя рисования, который недолго работал у них в школе. Такой же свободный, уверенный в себе. Учитель был еще молодой, пытался детей чему-то учить, воспитывать, а они ему на голову садились. Но Видаль и от учителя отличался, потому что ему никто не посмел бы сесть на голову. Все, кто ужинал в тот вечер в “Джазе”, смотрели на Видаля как на бога.

В конце концов, и на Порше это всеобщее восхищение подействовало. Она выпрямилась, чуть заметно улыбнулась и послала ему через стол такой взгляд, будто хотела сказать, что музыкант ей очень интересен. Она знала, что и свет в ресторане правильный, и она выглядит сейчас хорошо, поэтому не сомневалась в своей неотразимости.

А вот заметил ли этот взгляд Видаль – она не знала. Волосы падали ему на лоб, а когда он опускал голову – совсем закрывали лицо. Сидевшему рядом с ним Виктору это тоже не нравилось:

– Убери лохмы, мешают говорить, – сказал он сердито.

Видаль пятерней загреб прядь со лба к затылку, но она снова стала сыпаться вперед маленькими прядками.

– Ободок тебе куплю... – пробормотал Виктор.

Когда Видаль открыл лицо, Порше разглядела, какие красивые у него глаза – светлые, прозрачные и туманные одновременно.

“Видит он ее или нет?”, – задумалась она. Обхватив тонкими пальцами ножку бокала с вином, она стала отпивать по глоточку, оставляя на губах по красной капле и делая вид, что не замечает этого. Так как свои бледные от природы губы Порше не красила, капля вина была очень заметной. Выглядело сексуально, девушка это знала. Но ей пришлось сделать несколько таких небрежных глотков, прежде чем стало ясно – Видаль смотрит на ее губы.

Виктор тоже смотрел, а так как он не был идиотом, то с модели он перевел взгляд на Видаля. Что думал менеджер по поводу наметившихся перспектив – было непонятно.

При этом обсуждалась та же тема, что и утром.

– ...Я не поеду за границу, не хочу, – говорил Видаль мрачно. – Даже не надейся, что буду переводить тексты на английский язык. Плевать я хотел на этот твой западный рынок...

– Олег, ты не хочешь думать о семье, о сыне. Какую жизнь ты ему готовишь? Что ты ему дашь?

– Удиви меня новыми аргументами, – ответил Видаль и произнес очень четко: – Теперь я буду делать только то, что считаю нужным. Мне надо стать собой.

– Подумай о своей группе! Ребятам надо зарабатывать!

Видаль его уже не слышал.

– Как тебя зовут? – спросил он через стол у Порше.

– Порше.

Он усмехнулся, словно услышал хорошую шутку.

– Ты любишь дорогие машины?

– Я их достойна, – выдала Порше домашнюю заготовку.

– Не хочешь отсюда уйти?

Она краем глаза глянула на Катю. Катя сделал вид, что ничего не слышит, ничего не видит и поэтому молчит. Порше поняла – карт-бланш.

– Хочу, – сказала Порше.

* * *

– И все-таки, как тебя зовут на самом деле? – спросил он, когда они вышли на улицу.

– Неважно, – ответила Порше.

К этим вопросам она привыкла. Они ее с выбранного курса не сбивали: Лена осталась там, дома, с мамой. О той нищей жизни она предпочитала не вспоминать. И фамилию свою – Пузикова – тоже почти забыла. Сколько ее дразнили из-за этой фамилии, вспомнить страшно. Ну его, это настоящее имя!

– Многие меняют имена, когда хотят начать новую жизнь, – сказал Видаль, взяв девушку за руку. Кажется, он не собирался брать машину и везти Порше к себе.

Он двинулся по улице прочь от ресторана. Порше удивилась:

– Куда мы идем?

– Не знаю, а ты куда хочешь?

Порше никуда не хотела. Ей казалось, что все это несолидно. Отчасти она уже раскаивалась, что ушла из ресторана. Лучше бы посидела со всеми, а потом поехала домой спать – завтра снова съемки.

– Меня зовут Олег, – представился Видаль. – А тебя? Лена?

– Откуда ты знаешь?

– Угадал, – он усмехнулся. – Олег и Лена, Лена и Олег. Знаешь, я сейчас в очень странном состоянии. Я принял решение быть собой. Ты знаешь, что это такое?

Они шли по ночным улицам, еще теплым после солнечного дня, освещенным тусклыми фонарями, ярким неонам магазинов и кафе, фарами проезжающих машин. Видаль говорил что-то о своих планах, а Порше уже пропускала его треп мимо ушей. Проблемы стареющего рокера ей не казались увлекательными. Отчасти она понимала его – седина в голову, бес в ребро. Делал что-то в своей жизни, а теперь, когда уже молодость позади, опомнился. Порше уже и раньше слышала такие истории. Взять, к примеру, ее родного дядю, брата ее матери. Год назад он вышел из тюрьмы, а в тюрьму загудел, потому что всю жизнь работал на уголовников. Скупал у них краденые товары и перепродавал. В те времена, когда отец Порше умер от цирроза печени, дядя Борис очень им с мамой помогал. Только потом его посадили. Ненадолго, на четыре года, да и выпустили пораньше за хорошее поведение. Но после тюрьмы дядя Борис завязал с друзьями. Его ужаснула тюрьма и все, что там может с человеком случиться. Он с омерзением вспоминал заключенных, охранников и даже тамошнюю пищу. После

тюрьмы дядя Борис устроился работать водителем троллейбуса. Денег теперь у него – чуть да немножко. Но он счастлив.

Вот так и этот рокер – всю жизнь пел эти свои жуткие песни, а сейчас – все, завязал. Только что его могло напугать так, как напугала дядю Бориса тюремная баланда?

Пройдя чуть не половину города и рассказав, наверное, всю свою жизнь, Видаль наконец-то заметил, что его спутница откровенно скучает и очень устала. Тогда он поймал такси.

Сначала Порше хотела, чтобы он отвез ее домой, но оказавшись с ним рядом на заднем сидении автомобиля, передумала. От него приятно пахло сигаретами, его волосы касались ее щеки, а плечо было твердым и теплым. И этот его туманный взгляд – то рассеянный, то напряженный.

У Порше иногда случались такие вот мимолетные встречи с мужчинами постарше. Она знала, чего хотят они, и знала, зачем ей нужно уступить. И если бы ее кто-то попытался за это упрекнуть, то она вряд ли поняла бы – за что. К тому же, Порше умела выбирать мужчин, которые ее не обижали и которым было чем ее отблагодарить.

А вот Видаль, похоже, был совсем иным. И все равно она поднялась в его большую пустую квартиру в новом красивом доме. Квартира была почти без мебели, зато во всех креслах лежало по гитаре. И уж точно – решила Порше, скептически оглядываясь – ни один, даже самый провинциальный дизайнер не переступал порога этого жилища.

Кажется, больше всего Видаль любил в своей квартире вид из окна, потому что кровать у него стояла прямо перед панорамным окном. Это окно, в котором было много неба и совсем мало города, не прикрывала даже тюлевая занавесочка.

Сначала Порше немного смутилась при мысли, что ей придется раздеваться чуть ли не на виду у всей улицы, но потом убедилась, что увидеть ее из домов, стоящих на противоположной стороне, практически невозможно. Дома напротив были двухэтажными, старыми, их окна находились далеко внизу.

Разглядеть оттуда Порше можно было бы только с биноклем. Но кто захочет подсматривать за этим немолодым рокером? Вот будь это квартира какой-нибудь настоящей звезды, да не в зачуханном Гродине, а в столице – можно было бы и прославиться.

Видаль принес вино, бокалы, включил музыку. Не свою, а какую-то другую – пела женщина, но из той же оперы, что и его дурацкий рок. Впрочем, Порше не стала протестовать. Во-первых, она слишком устала для протестов, а во-вторых, кажется, попала во власть его обаяния. С ней такое и раньше случалось – с разными мужчинами, но обычно она держала себя в руках.

Он сел на кровать, выпил бокал вина, потер виски, принес бутылку коньяка и налил себе в тот же бокал. Сделал глоток, другой. Порше спросила:

– Хочешь, потанцуем?

Он ухмыльнулся уже чуть пьяно.

– Нет, как-то слабо себе представляю эти танцы. Но ты – можешь потанцевать.

Ага, поняла она, этот автомобиль заводится не так быстро. Она встала и начала двигаться в такт музыке. Сначала медленно, плавно, а потом – быстрее, резче. Сделала вид, что ей жарко и стала расстегивать пуговицы на рубашке.

Он смотрел на нее с улыбкой, поощрительно. Но когда ее рубашка уже падала на пол, отвел глаза в сторону окна. Не от смущения, а будто увидел в небе за окном что-то гораздо более интересное. Порше не позволила рубашке коснуться пола, а кинула ее в лицо Видалью. Он успел отмахнуться и рассмеялся. Во всяком случае, теперь он смотрел только на Порше. Тогда она двинулась в его сторону, расстегивая молнию на юбке.

Порше уже стояла прямо над ним, глядя в его светлые глаза серьезно и требовательно, когда он снова отвел взгляд в сторону. Тогда Порше запустила руки ему в шевелюру, с удивлением ощутив, что его волосы на ощупь жестче, чем на вид.

И лишь после этого он очнулся, притянул к себе ее тонкое угловатое и прекрасное тело, стал целовать. Порше тоже стала его целовать, удивляясь, что чувствует больше обычного. Он зарылся лицом в ее шелковистые светлые пряди и еле слышно застонал...

Но все равно ничего не вышло.

Ближе к утру, когда он спал, разметавшись на кровати, Порше вызвала такси и уехала. Она не знала, будет ли утром стыдно рокеру, но ей было не по себе. Плясала перед ним, как дурочка, а он... Ужас какой-то!

Утром, когда Катя приехала за ней, Порше решила не признаваться в том, что произошло. У мужика не встал на нее! Да это же просто оскорбление. Но Катя стала приставать с расспросами, допытываться, и Порше все рассказала. Катя только вздохнула:

– Я была уверена, что он супер... Ну, это еще раз подтверждает, что мужики на планете Земля все выродились.

Кате это было известно лучше других: муж ее бросил ради молодого парнишки. Педиком оказался. И как она это пережила?

Они приехали на поле. Порше быстренько заперлась в гримерке. Катя пошла дежурить возле оператора. Несколько раз она возвращалась в вагончик, чтобы рассказать, что происходит на съемках. В первое свое возвращение сообщила, что на площадке готовятся снимать прыжок с парашютом. Должен был прыгать актер, у которого был разряд по парашютному спорту, но Видадь сказал, что прыгнет сам. Витя чуть не трупом лег, чтобы помешать ему, но рокер уперся, стал орать, что он не кукла, не тряпка. Он будет жить по-настоящему, без дублеров. И влез в самолет. Витя сказал, что Видадь и раньше с парашютом прыгал, так что ничего, обойдется.

А потом случилось то, чего Порше не увидела из своего вагончика...

Чуть позже, когда они возвращались с поля в город, Катя сказала:

– Он прыгать решил из-за того, что в постели облажался. Вроде, решил компенсировать неудачу.

Дом Видаля

Прошло больше месяца. Порше была в жуткой депрессуе. Следом за Видалем разбились и ее мечты. В Милан она не поехала. Какой-то гад разместил в интернете запись той сцены, где Порше танцевала и раздевалась перед Видалем, и то, как они начинают целоваться, а потом заваливаются на кровать. Надо же, все-таки нашлись любители подглядывать за престарелыми рокерами!

Эту запись обнаружили и миланские работодатели Порше. Катя потом пыталась им объяснить: мол, модель – девушка этого рокера, они встречаются, что в этом такого?.. Катя не забыла добавить, что на следующий день после того свидания музыкант погиб – хотела разжалобить итальянцев. Но они сказали, что в Италии своих путан – вагон и маленькая тележка, им русских не надо. И еще, что если девушка в восемнадцать лет без стыда крутится голой перед мужчиной, который ей в отцы годится, то чего от нее дальше ожидать? Особенно, если учесть, что Порше позвали белье демонстрировать. А “бельевые” девушки, сказали итальянцы, должны быть просто мадоннами.

Катя плакала, Порше плакала. Но потом они решили, что сумеют обернуть скандал себе на пользу. Они еще не знают как, но сумеют. Теперь же, в начале апреля, Катя решила, что ей надо отдохнуть. У нее появился бойфренд, что, вообще-то, Порше только одобрила, и парочка укатила в Анталию.

А вся затея Кати прославить Порше благодаря смерти Видаля тоже не принесла результатов. Ну, рассказала Порше небылицы о своей невероятной любви с великим – это после смерти выяснилось – музыкантом, ну прозвездилась и там, и сям, только толку от этого не было никакого. Безумных контрактов никто не предлагал, в клипах сниматься не звали, фотосессии не назначали. Может, и вправду, на чужом горе счастья не построишь?

Подруги-модели, а других у Порше не было, разъехались по городам и весям. Они все пристроились, кто куда. Порше осталась одна, а так как надо было что-то есть, стала работать. Катя нашла ей местное модельное агентство, которому, кажется, можно было доверять, и теперь еженедельно у Порше было несколько показов здесь, в городе. Паршивых показов, если честно. Пришлось Порше при всех своих достоинствах работать в торговом центре, гуляя по коридору в дешевых тряпках из какого-то отдела этого ТЦ. А что делать?

Ей позвонили в один из вечеров, сейчас особенно одиноких. Говорила с Порше женщина, очень деловая, быстрая.

– Вы – Порше? – спросила она.

– Да.

– Вас приглашают на вечер памяти Олега Видаля. Вы приедете?

– Куда?

Порше надеялась на “Джаз”.

– Вечер состоится в загородном доме Видаля, в лесу. Вас отвезут.

– Мне надо с менеджером поговорить.

В лес Порше ехать не хотела.

– Тут всего один пригласительный, – резко сказала женщина, – и три претендента. Если вы не хотите, я отдам его другому человеку. На вечер приглашена вся пресса, и областная, и федеральная... Вы же та девушка, с которой он провел последнюю ночь? – с сомнением спросила она.

– Да.

– И как вы будете выглядеть, если не придете на вечер его памяти?

Словом, Порше согласилась. Завтра в три часа дня ей следует явиться на смотровую площадку перед выездом из города. Там будет стоять желтая маршрутка. Надо сесть в нее и

ехать. Порше посоветовали одеться как обычно, а что-то вечернее взять с собой. Если она захочет переночевать в доме Видаля, ей надо будет прихватить необходимые вещи – полотенце, зубную щетку, смену белья.

Указания были странные, даже смешные чем-то. Порше уже хотела наплевать на свое обещание и не ехать на смотровую площадку, но подумала, что Катя будет недовольна, если узнает про отказ Порше немного прославиться. Они ведь решили, что будут раскручивать эту ситуацию в свою пользу.

На следующий день, в три часа, она была на смотровой площадке. Одевалась, как и велели – спортивно, просто.

Когда девушка подошла к маршрутке, там уже торчали пять старых теток, одетых, как и Порше, в куртки и брюки. Две тетки курили, три просто стояли. Было видно, что они не знакомы между собой, но уже перекинулись парой слов.

Тут из-за маршрутки выглянул водитель, молодой парень в камуфляжной куртке.

– Ну, что? Это все?

– Это все? – переспросила женщина в черных спортивных брючках, красной куртке с меховым воротником и бейсболке. Она внимательно оглядела всех собравшихся, неизвестно чего от них ожидая. Эта тетка точно была из разряда “самых умных”, решила Порше. Таких она особенно не выносила.

Женщины растерянно пожали плечами.

– Мне сказали – шесть должно быть... – сказал водитель. – Садитесь. Ехать будем долго.

– Насколько долго? – спросила кареглазая миловидная блондинка. Она была явно толстовата, да еще в светлых штанах и дутой куртке – ну бомба!

– Пять часов, – равнодушно ответил тот.

– Ого!

Самая умная попыталась больше выяснить о предстоящем маршруте, но водитель оказался не из разговорчивых.

На первое сидение рядом с шофером не сел никто. Никто не выбрал и места, расположенные спиной к дороге, все расселись в глубине салона на креслах, расположенных вдоль бортов машины. Порше и полная блондинка сели справа, места напротив них заняли Самая умная и еще одна блондиночка, маленькая и противная, с опущенными вниз уголками рта и почти круглыми голубенькими глазками. Порше еще на стоянке с презрением рассмотрела ее короткие ноги и плоский зад.

Впереди, спиной к ним, села высокая стройная брюнетка, а возле нее другая брюнетка, но среднего роста, раздавленная в попе и с короткой стрижкой. Порше подумала, что чем-то она напоминает журналисток, с которыми приходилось иногда общаться.

Машина вышла на трассу, и стало немного веселее.

Довольно долго все молчали. Порше надела наушники и сделала вид, что отключилась от происходящего. Самая умная о чем-то разговорилась с Противной блондиночкой. Полная тетка в светлой куртке достала из сумки яблоки и стала всем их предлагать.

Потом Порше задремала, а очнувшись поняла, что все уже перезнакомились. Но она снова не полезла в разговор, хоть и прислушалась, сделав музыку в плеере потише.

– ...Я была его женой, – грустно сказала Толстуха. Они, видно, начали хвастаться, кем доводились Видалю.

Все уставились на Толстуху с явным любопытством.

– А я не видела его тридцать лет, – сказала Самая умная. – Мы учились в одном классе, наши родители дружили. Я так и не поняла – зачем меня сюда позвали?..

– Я тоже давно его не видела, – примазалась к ней Противная. – Я была помощником звукорежиссера в студии, где он первый альбом записывал. Не тут, а в Ростове. Первый свой виниловый диск.

Женщины, сидевшие к ним спиной, обернулись.

– Я интервью у него брала в 2005-м, – сказала та, что с короткой стрижкой. Точно, она оказалась журналисткой!

Длинноволосая тоже доложила:

– Я пела в юношеской рок-группе. “Теория симметрии”, может, слышали? Группа благодаря его протекции прославилась, а я тут осталась.

Порше промолчала. Ей вдруг стало скучно. Она посмотрела в окно и убедилась, что там тоже не весело. Вокруг были поля – такие унылые, серые, а солнечный свет уже уходил, унося с собой еще не слишком уверенное тепло весенних дней.

Она снова закрыла глаза. Песня в ее плеере вдруг кончилась, и в паузу перед началом следующей она услышала, что Журналистка тихо всем докладывает, что вот та, длинная блондинка, она и есть последняя подруга Видаля! Она манекенщица!

Самое противное, что Журналистка не забыла упомянуть, что Порше зовут Лена Пузикова. Надо было ей в морду дать, да пачкаться неохота!

Женщины стали поглядывать на Порше, сразу как-то объединившись. Порше им не нравилась, она была слишком юная, слишком чужая. И слишком красивая, уточнила для себя Порше. Старые курицы! Самой молодой тут не меньше тридцати! И зачем она согласилась ехать?

Толстуха, ее звали Милена, стала рассказывать, что у них с Видалем есть сын, который очень похож на отца. Она долго трещала про сына, пока всем не надоела. И только тогда смолкла.

В салоне было уже темновато. Водитель включил продолговатые лампы на потолке, люющие белый неестественный свет, и все лица стали старыми, неухоженными. Как в заколдованном зеркале проявились и недостатки кожи, и дефекты лиц. Порше полезла в сумку, достала пудреницу, чтобы убедиться – к ней это не относится.

Теперь маршрутка продвигалась по неасфальтированной дороге в лесу, в темноте. Было даже страшно, особенно когда колеса с какой-нибудь одной стороны попадали в яму, и машина опасно наклонялась. Женщин трясло, они то чертыхались, то смеялись, крепко вцепившись в сидения.

– Долго мы так ехать будем? – спросила у водителя Самая умная. Ее, оказывается, звали Лика.

– Минут пятнадцать еще, – ответил тот. – Я срезаю дорогу. Если бы тут не поехал, нам бы еще лишний час тащиться.

Пятнадцать минут потерпели. Женщины уже привыкли к тряске и снова стали трещать. Порше даже разобралась, как кого зовут. Противную блондиночку, помощницу звукорежиссера, звали Кристина. Брюнетку с длинными волосами, бывшую певицу, Тамара. Журналистка – Марина.

* * *

Тут маршрутка выбралась на нормальную дорогу, и еще через десять минут они куда-то приехали. Сначала машина свернула с трассы. Судя по звуку бьющих по днищу камешков, на гравий. Впереди был виден освещенный изнутри дом. Вокруг него не было ничего – ни двора, ни палисадника. Казалось, кто-то воткнул это строение посреди леса, насыпав вокруг немного гравия.

Машина остановилась. Было очень тихо, словно на много километров вокруг никого и ничего, кроме деревьев, не существовало.

Хоть и странным тут все показалось, но Порше обрадовалась, что они хоть куда-то приехали. Остальные пассажиры, видно, тоже устали от поездки. Маршрутка вмиг опустела.

– Идите в дом, – сказал им вслед водитель. – Располагайтесь. Там все для вас подготовлено.

Оглядевшись и заметив, что тетки тоже удивлены этим местечком, Порше пошла следом за ними к дому. Маршрутка уехала.

– Как-то страшно, – сказала Кристина. – Мы тут будто совсем одни... И когда нас заберут отсюда?

– А мы не спросили, – легкомысленно ответила ей Тамара.

Но Лика рассмеялась:

– Да чего бояться? Все нормально. Сейчас разместимся, выберем лучшие комнаты, переедемся. Интересно, еда у них есть?

Дом, встретивший гостей огнями, производил приятное впечатление серьезного строения. Он был каменный, двухэтажный, построенный простой коробкой, но добротно.

Они поднялись на веранду, где стояли деревянные лавки и стол, крашенные в синий цвет. Марина, которая шла впереди всех, постучала в дверь и, не дожидаясь ответа изнутри, потянула ручку на себя. Дверь открылась.

Осторожно озираясь, гости по очереди вошли в дом.

– Кто-нибудь знает, чья это вообще недвижимость? – спросила бывшая певица.

– Мне сказали, что дом построил Олег, – ответила ей Милена. – Только на него это как-то мало похоже. Он не слишком природу любил.

Внутри было вполне уютно, только людей не оказалось. Побросав вещи куда придется, женщины разошлись по дому – осмотреться. Комнаты были обставлены просто и рационально. В большом холле вокруг громоздкого журнального столика стояли кресла и диваны, справа находилась кухня, а слева – помещение, где было навалено много всякой аппаратуры, за исключением телевизоров и радиоприемников. Порше лучше бы сейчас перед телевизором посидела – кажется, “Дом” в это время показывают.

Деревянная лестница вела на второй этаж, где обнаружили три небольших спальни. На первом этаже любопытная Марина нашла и вполне цивилизованную ванную комнату с “удобствами”. Остальные находку оценили и воспользовались ею.

Проголодавшаяся Порше тоже побродила по комнатам и направилась к вместительному двухдверному холодильнику.

– А провизии тут заготовлено порядочно! – заметила Милена, вошедшая на кухню следом за Порше. – Девочки, кто есть хочет? Тут копченое мясо, сыр, рыба какая-то... И на кухне есть чайник, заварка. Хорошо!

– И бар, – добавила Марина, держа в руке бутылку водки. – Там не только это. Еще всякие коктейли, пиво, ликеры. Просто раздолье. Да и вообще тут как-то не по-русски. Дом в лесу, а свет, вода есть. Наверное, генератор где-то установлен и резервуар для воды есть. Круто.

Милена покивала ей головой, но, кажется, как-то мало удивилась.

Идея перекусить и даже выпить понравилась и остальным. Вскоре в комнате был накрыт стол, расставлены бокалы. Милена даже достала свечи и, выключив деревянную люстру, зажгла их. Потом все разлили напитки и расселись в креслах.

Возникла пауза. Женщины переглянулись.

– Думаю, надо помянуть Олега Видаля, – сказала Лика и подняла рюмку с водкой.

– Да, – согласилась его бывшая жена. – Сорок дней...

– Пусть земля ему будет пухом, – тихо добавила Тамара.

Порше заметила, что на глазах Кристины появились слезы, но остальные были более сдержаны.

Потом пили уже без тостов. Порше решила, что пришла пора и ей немного расслабиться. А что еще делать? Пока приедут все приглашенные на вечеринку и пресса, можно умереть со

скуки в компании этих пожилых зануд. Она долила в стакан коктейля из банки и отхлебнула большой сладкий глоток.

Разговор за столом шел ни о чем – о погоде, о том, как быстро в этом году наступила весна, но все знают, что холода еще будут. Порше опять выпила – господи, что за скука!

Как и положено стареющим теткам, женщины за столом стали чесать языками. Марина, сидевшая рядом с Порше, спросила у нее:

– Так вы были подругой Олега Видаля?

Порше невыразительно пожала плечами – ей не хотелось говорить, что она стала подругой на одну ночь. Да еще и такую позорную.

– Вы не заметили, что в последний вечер он был не таким, как всегда?

– А каким он всегда был? – ляпнула Порше. Она не хотела хамить, просто надо было отделаться от назойливой дамочки.

– Может, Видадь с кем-то ссорился?

– Я не видела.

Марина улыбнулась и отвяла от Порше. Та с облегчением выдохнула и допила коктейль.

* * *

Как только все наелись, хлопотливая Милена тут же взялась убирать со стола, Тамара и Марина вышли покурить, Лика полезла в холодильник поискать что-нибудь сладкое к чаю, Кристина взялась мыть посуду.

С улицы в дверь заглянула Марина:

– Кажется, остальные едут! Звук мотора слышен.

Все оживились. Милена и Лика тут же побежали на веранду, Порше тоже высунулась из окна, но шум мотора стих. На улице было уже совсем темно.

– Мне кажется, никто не проехал по трассе, – сказала Марина. – Отсюда, конечно, не очень видно, но свет фар мы бы заметили. А его не было.

– Точно, не было, – подтвердила Тамара.

– Значит, неподалеку есть еще одна дорога, – сказала Кристина за спиной Порше.

Та даже вздрогнула – она не слышала, как к ней подошла Противная блондиночка.

– Да что творится? – возмутилась Милена. – Почему нет никого? Кто-нибудь звонил Витьке?

Оказалось, что никто. Милена пошла в дом, нашла свой мобильный и, как поняла Порше, стала набирать номер того кряжистого дядьки – Карелина.

– Связи нет, – разочарованно произнесла Милена. – Здорово! Такой дом цивилизный, а телефоны тут не работают. Мы ведь не в тайге...

Тем временем все вернулись в дом, стали доставать мобильники, нажимать на кнопки. Связи не было.

– Блин! – сердито сказала Кристина. – Я маме обещала отзвониться, а тут ничего не набирается!

Лика предложила еще выпить, а Тамара принесла из соседней комнаты гитару. Наверное, она умела играть, потому что инструмент в ее руках сразу издал довольно мелодичные звуки.

Порше пошла к бару за новой баночкой коктейля. Калорий в нем – до фига, но уж очень печально этот вечер разворачивался. Теперь еще и песни под гитару! За что ей это?

Тамара стала настраивать гитару, потом начала наигрывать незнакомую Порше тоскливую мелодию и запела. Отпив еще пару глотков, Порше огляделась. Почти все, кроме Лики, стали подхватывать слова песни. Лика же закусил губу, подошла к окну и достала сигареты.

К концу последнего куплета уже все тетки обливались слезами и соплями. Это, небось, песня Видаля, поздно догадалась Порше.

– Девочки, – донесся от окна голос Лики. – А машины там где-то ходят. На нашей трассе нет никого, а вдалеке я слышу звук мотора. Как же странно, что по нашей дороге ничего не ездит!

– Странно это, конечно, – согласилась с ней Кристина. – Нас, наверное, кинули. Все собрались в другом месте, а нас забыли предупредить. Если честно, то я бы уже пошла на дорогу – на нашу или другую – и попыталась попутку поймать...

– Если и ловить машину, то на другой дороге, – сказала Марина. – Пройти через лес, выйти на ту сторону и...

– Да вы что? – строго осадил их Милена. – Ночью! Через лес! До города пять часов ехать. Мало ли на каких идиотов нарвешься? Давайте уже утром выбираться отсюда, посветлу.

– А я пойду ловить попутку, – произнесла Порше. Все на нее уставились, будто на чудо какое. Неудивительно – это была чуть ли не первая фраза, сказанная ею.

– Я с тобой, – тут же сказал Кристина.

– Нет, – спокойно отозвалась Лика. – Никуда вы не пойдете. Это риск, Кристина. Девочка молоденькая, но ты-то понимаешь?

Тоже мне, мать родная!

– Да ну вас, курицы! – разозлилась Порше.

Она не склонна была проявлять свои эмоции, но сейчас ее все просто достало. Дуры, честное слово! Ей что тут, до утра торчать? Схватив свою сумку и куртку, она направилась к двери. Кристина пошла за ней следом.

Лика подскочила с места, схватила Порше за руку. Милена тоже поднялась со своего места.

– Стойте, – просила она. – Ну, пожалуйста! Это опасно! И как вы ту, вторую дорогу, найдете? Через лес идти темно...

Порше выдернула руку из ладони Лики, а Кристина улыбнулась:

– Девочки, да чего вы? Ну что тут, маньяки по дорогам разъезжают? Просто дальнотойщики какие-нибудь. У них дома семьи, дети. Они не будут нас с девушкой на куски резать! И я посмотрю, к кому садиться, если кто-то подозрительным покажется – ни за что к нему не полезем. Правда, Лена?

Порше кивнула. Может, они отстанут, если с ними нормально поговорить?

– Я тоже с вами пойду, – сказала вдруг Марина. – Домой хочу, устала.

– Ну, вы даете! – уже миролюбиво вздохнула Лика. – Ладно, давайте все вместе пойдём. Я хоть номер машины запомню... Милена, Тома, вы с нами?

Милена кивнула, Тамара отказалась:

– Нет, я тут побуду.

Она перегнулась через гитару, лежавшую у нее на коленях, плеснула себе водки в рюмку, выпрямилась, подняла рюмку на уровень глаз.

– Счастливого пути! – пожелала она и опрокинула рюмку в рот.

Порше, а за ней Лика, Кристина, Милена и Марина вышли из дома. Запах леса, прелых листьев защекотал Порше нос. Она чихнула. Ей пожелали здоровья.

Несмотря на ночь, лес не казался непроходимым. Небо было чистым, в нем сияли крупные звезды. Эти звезды, вид которых завораживал даже малоромантическую Порше, и белый ясный свет растущего месяца помогли ориентироваться в пространстве. Первой в лес вошла Марина.

Порше казалось, что только они шагнут в чащу, как сразу станет понятно, куда идти. Так, как это всегда бывает в парке Менделеева. Но ничего понятно не было.

– Мне кажется, я уловила направление звука, – пробормотала Лика.

Остальные, в том числе и Порше, уже слегка растерялись, поэтому сразу поверили ей на слово и пошли следом.

– Может, вернемся? – опасливо спросила Кристина, обернувшись на свет дома, еще заметный сквозь деревья.

– Ну, нет! – ответила ей Марина. – Теперь уж ни за что!

Довольно быстро нашлась небольшая тропка, ведущая, как казалось, в нужном направлении. Когда женщины углубились в лес, послышался звук мотора. Марина заметила:

– Мне кажется, что машина стоит на месте...

Ей никто не ответил.

Они двигались уже минут пятнадцать, но никуда не выходили. Тропинка пошла в гору. Лика остановилась:

– Давайте возвращаться, мы уже забрели черт знает куда.

– А вдруг дорога в двух шагах? – запротестовала Марина.

Но остальные поддержали Лику. Только тут все поняли, что идея Порше была не ахти, а поддержали ее, видно, потому, что хмель ударил в голову. Лучше вернуться в дом и снова налить.

Теперь Порше не стала спорить. Она-то думала, что идти придется с минуту, а за эти четверть часа в темнотище устала и замерзла. Лика снова повела всех за собой во тьму – но в обратном направлении. Остальные старухи тоже обогнали Порше, она же передвигалась все медленнее. Ее отпускало опьянение, придававшее бодрости, и ужасно захотелось спать.

Впереди Порше шла Марина, которая пару раз обернулась, а потом разговорилась с Кристиной. Порше стала отставать, а когда уже хотела попросить всех подождать ее, неловко поставила ногу на корягу и подвернула лодыжку. Чертыхнувшись, Порше наклонилась, пощупала свою бедную щиколотку, выпрямилась...

И тут кто-то схватил ее сзади за шею, зажав рукой рот. Порше попробовала вывернуться, крикнуть, но этот кто-то был намного сильнее девушки. Она потрепыхалась в его железных руках и ощутила, как они тянут ее куда-то назад, в лес, в темноту.

Потом ей к лицу приложили что-то влажное. Она вдохнула ударивший ей в нос, в горло резкий запах и – потеряла сознание.

Марина Попова, 30 лет

*Как бы иначе, как бы взбодриться,
может, постричься, может, побриться,
может, напиться, может, разбиться...
Как же разбиться, если ты птица...*

“Шум уходящий...” Альбом “Комета”, 2006 год Группа “Алхимик”

Весть о смерти Видаля Марине принес интернет. Как и каждое утро, она начала свой рабочий день на посту главного редактора гродинского журнала “Бизнес-леди” с интернет-новостей.

“Лидер группы “Алхимик” разбился, прыгнув с парашютом”, прочитала она и на секунду потеряла способность дышать. Достав мобильный, набрала его номер. Абонент недоступен. У нее где-то был записан и номер менеджера группы Виктора Карелина, но Марина не могла никак его обнаружить. В этом блокноте? В другом?

Господи, да что же это?

Она стала рыскать по информационным сайтам, но надолго ее не хватило. Узнала только кучу всякой гадости – что Видаля накануне сильно выпил, ночь провел с моделью, которая должна была сниматься в его новом клипе, а напоследок поскандалил с менеджером группы. Почитала немного и про эту модель, теперь ставшую настоящей звездой и, заодно, козлом отпущения в блогах поклонников “Алхимика”.

Читать это было, по меньшей мере, невыносимо.

Тогда Марина позвала ответственного редактора Аню Берестову, попросила ее взять на себя назначенные встречи и, сославшись на внезапный приступ мигрени, ушла из офиса.

Садиться за руль ей не хотелось. Машину она водила еще недостаточно уверенно, а тут – в глазах слезы, руки трясутся... Посидев на водительском месте, Марина вышла из машины, нацепила темные очки и пошла по городу. Куда-нибудь.

...Это произошло пять лет назад, в 2005-м. Тогда Марина переживала не лучший свой период. После развода, оставив маленькую дочку в селе у матери, она вернулась в Гродин и устроилась на работу, ибо не представляла, что ей теперь делать.

Бывший муж исхитрился всего за два года окончательно измучить ей душу. Не садист и не моральный урод, он просто был воспитан таким образом, что все окружающие, незаметно для себя, оказывались ему должны. Все и всё. Марина, к примеру, обязана была окружать его заботой и вниманием, не забывать готовить любимые им блюда, стирать его носки, исполнять любое желание. В свою очередь он готов был иногда говорить ей “спасибо”.

Потребности и интересы жены мужа не волновали. Более того, если она сама пыталась как-то обратить на себя его внимание, он, не стесняясь, объяснял, что считает ее тупицей, гусыней и деревенской дурочкой. Ему с ней неинтересно. Наконец, Антону стало так неинтересно с Мариной, что он бросил и ее, и их дочь Лялю.

Если кто-то чужой однажды объявит тебя глупой курицей, ты просто отмахнешься от обидчика, но если ты слушаешь подобные вещи от дорогого тебе человека, и длится это целых два года – ты начинаешь призадумываться о собственной значимости для окружающего мира. Более того, в какой-то момент в твоём подавленном от унижения мозгу родится великое понимание, что все это правда – ты самая что ни на есть клуша. И лишь спустя много-много времени, пережив развод, ты начинаешь догадываться, что любимому мужчине было очень удобно

делать из тебя недоразвитый придаток к своему могучему эго. Недоразвитый придаток никуда от эго не денется. Он будет с восторгом пытаться угодить “эгу” в любой день и час...

После всего пережитого Марина поняла, что ей нужен курс реабилитации. Но не в клинике какого-нибудь шарлатана от психологии, а путем интегрирования, пусть сначала даже болезненного, в нормальную жизнь нормальных людей. И еще трудотерапия.

Тут она припомнила, что закончила факультет журналистики с красным дипломом, с третьего курса работала в рекламном журнале, и есть верный шанс, что ее снова возьмут туда корреспондентом, потому что она молодец.

Вот так Марина стала сотрудницей провинциального гламурного издания. Все было хорошо, если не считать того, что дочку она могла видеть лишь по выходным. И только очень глубоко в душе она признавалась себе, что работает вовсе не по выбору сердца, а просто потому, что не нашла ничего другого.

Писать статьи для рекламодателей оказалось не так интересно, как ей представлялось в те времена, когда она была восторженной студенткой. Повзрослев, Марина обнаружила в своей работе много неприятных моментов, которые раньше замечать не хотела. К примеру, клиенты журнала как огня боялись любого свободного слова, написанного молоденькой журналисткой. Все, что они хотели – это видеть в каждой новой статье сочетание любимых слов: “элитный”, “незабываемый”, “неповторимый” и, в заключение: “Мы всегда рады видеть Вас в нашем магазине!”. Писать это было нетрудно, но удовольствия приносило мало.

Вот бы взять настоящее интервью – не у владельца салона мебели, а у кинозвезды, писателя, художника, словом, у человека, который хоть что-то из себя представляет! Но, увы, если в “Бизнес-леди” и брали такой материал, то только в крайнем случае, допустим, если вдруг перед самой сдачей номера в печать какой-нибудь рекламодатель отказывался от размещения рекламы, и в журнале образовывалась дыра.

Но Маринке даже такая возможность не светила. Она была девочкой на подхвате у двух взрослых тетя-журналисток, которые бездумно строчили рекламные тексты и сами не упускали возможности немного поразмяться в таких вот редких интервью.

Однажды, на одной довольно скучной планерке, Алла Евхаристова, в то время главный редактор “Бизнес-леди”, сказала:

– Коллеги, у нас тут рекламодатель наклеивается. Это магазин мужской одежды. Наш коммерческий директор, – Алла посмотрела на парнишку с хитрой мордочкой – Лешу Ковалева, – сумел впарить директору магазина такую идею: одежду для мужчины покупает женщина. То есть, если читательница нашего журнала увидит рекламу магазина модной мужской одежды на наших полосах, то она обязательно скажет об этом своему мужчине, а он обязательно купит в этом магазине себе целый гардероб. Но...

– Понятно, – сказала одна из теток-журналисток. – У нас должна быть рубрика, в которой магазин мужской одежды смотрелся бы логично. Ну, давайте сделаем серию интервью с интересными мужиками нашего города. С первым, конечно, с директором того самого магазина мужской одежды, а потом уже посмотрим, с кем еще.

– В том магазине директор – женщина, – сказал Леша Ковалев с презрительной ухмылкой, которую он всегда надевал, если видел таких вот плохо одетых тетя-журналисток. – Но идея об интервью с интересными мужчинами города – хорошая.

Марина сначала подумала, что внезапное одобрение идеи представителя редакционного отдела как-то связано с сексуальной ориентацией коммерческого директора, но это было не так.

– Я могу завести к нам в журнал и магазин детских товаров, – продолжил озвучивать свои мысли Леша. – Его хозяйка – дама непростая, но я слышал, что она училась в одном классе с этим, ну, знаете... он из нашего города. Рокер какой-то. – Коммерческий директор сделал рукой такой неопределенный презрительный жест, – Забыл, как зовут... Олег...

Алла скептически посмотрела на него:

– Леша, не позорься. Если ты у нас поклонник Сергея Зверева, никто в тебя камнем не кинет, но не знать Олега Видаля – это уже слишком.

– Мне за него денег не платят, – огрызнулся Леша. – В общем, если вы возьмете интервью у этого самого Ви... даля, то я приведу к нам детский магазин. Причем тысяч за шестьдесят.

– Девочки, вы же хотите зарплату? – ласково поинтересовалась у редакции Алла.

Решено было, что одна из теток-журналисток раздобудет контакты Видаля и, если он приедет в ближайшее время в город, то интервью будет взято.

Марина только вздохнула – ей от этого ничего не обламывалось. Она любила музыку, может, рок и не был самым обожаемым музыкальным направлением, но уж “Алхимика” она знала. Воспоминания, связанные с этой группой, правда, были не очень радостные, но что ж тут поделать? Ее бывший муж признался ей в любви под композицию “Ужас мухи в замкнутом пространстве”. (Очень символично!).

* * *

Годы спустя Марина с грустью вспоминала суету, предшествующую встрече с Олегом. Как так сплетаются нити судьбы, чтобы в результате два абсолютно чужих человека из разных миров вдруг могли встретиться и дать друг другу немного тепла?

Весть о приезде Видаля в Гродин принесла сама Алла. Оказывается, сказала она, заглянув в редакцию, он будет выступать со своей группой в День города, который празднуется, как известно, 18 мая. Концерт состоится на центральной площади Гродина в праздничный вечер, а интервью у музыканта можно взять на следующий день, в воскресенье. Она уже договори- лась об этом с Ником Сухаревым, близким другом Видаля. В развлекательном комплексе Ника пройдет еще один концерт “Алхимика” – для друзей и самых преданных поклонников группы.

...Целую неделю все в редакции только и говорили что о Видале.

– Какой мужик, – ворковали тетки-журналистки. – Сорок лет, в самом соку! А глаза, какие красивые! А вот тут, – они листали фотоальбом “Алхимика” на официальном сайте группы, – смотри, какая у него фигура! Ну, красавец же!

Они читали и озвучивали на весь офис все, что касалось творческой биографии Олега Видаля. Но с еще большим ажиотажем разыскивали о нем слухи и сплетни. Оказалось, что их не так уж много. Был женат всего один раз, есть сын. Романтические увлечения свои не афиширует, если что и есть, то все это тайна, покрытая мраком. Даже друзья о нем говорят, что Олег – одиночка и в творчестве, и в личной жизни.

– Надеюсь, он не педик, – вздохнула одна тетка-журналистка.

– Да, – согласилась с ней вторая, – такой красавчик этот Видаля, что закрадывается мысль...

А вот Маринке рокер средних лет не казался таким уж красавчиком. Внешность, конечно, коммерческая, недаром он так за границей популярен. Но не совсем во вкусе Маринки. Черты лица у Видаля слишком brutальные: крупный нос, большой, четко очерченный, рот и нависа- ющие над светлыми глазами брови. К тому же, ей нравились более крепкие мужчины и, если честно, помоложе. Такие, как Антон, ее бывший. Вот только был бы тот Антон человеком...

Интервью готовилась брать старшая из теток – Светлана, а вторая – Вика – уезжала на выходные в командировку. Леша нашел рекламодателя с побережья Черного моря, где тот рекламодатель построил пансионат, конечно же, люкс-класса. Правда, пансионатик торчал в степи, где не росло ни деревца, а до моря надо было идти добрых пятнадцать минут по раска- ленной пыльной дороге, притом и пляж не был облагорожен. К тому же, в пансионате имелись крупные проблемы с водой, канализацией и охраной. Но рекламодатель на классе люкс все равно настаивал. По понятным причинам хозяин стремился продать путевки как можно скорее

– до начала сезона, пока никто из отдыхающих еще не побывал в этом хилтоне и не поделился с друзьями своими впечатлениями.

В этом вопросе, уверял рекламодателя лукавый Леша, помощь рекламы, размещенной в журнале “Бизнес-леди”, неоценима.

Вечером 18-го мая Светлана позвонила Марине.

– Маришка, к Видалю ты пойдешь, – срывающимся от волнения голосом произнесла она. – Подготовь вопросы, я не смогу тебе переслать свои, я в больнице. Все договорено, фотограф предупрежден. В одиннадцать часов в кафе “Хемингуэй”. Это в комплексе “Джаз”, знаешь?

– Знаю, а что с тобой?

– Меня сбила машина, – расплакалась Света. – Перелом ноги. Глупость такая – прямо на тротуаре. Шла на концерт “Алхимика”, и вот...

Подробности несчастного случая Марина не удержала в голове и двух минут, слегка растерявшись, но и очень обрадовавшись: интервью с Видалем! Классно!

И как же хорошо, что она не поехала в село к маме и Ляле в эти выходные! То есть, она собиралась, но вечером в пятницу начался такой ливень, что не получилось добраться до автостанции.

В 2005-м Марина жила на съемной квартире, одна в маленькой, очень уютной однокомнатной малогабаритке в новом доме. Платила за жилье не так уж много – квартиру сдавала их родственница, к счастью, женщина нежадная. Она только просила поддерживать порядок, и Марина эту просьбу выполняла.

Накануне встречи с Видалем она почти всю ночь читала в интернете его интервью и разные публикации о группе “Алхимик”. Набралась всяких разрозненных впечатлений, но и собрала образ героя.

Не без труда Марина составила список вопросов для интервью. Казалось, музыкант ответил уже на все возможные журналистские подколы.

“– Что для вас стало главным событием в вашей жизни?

– Каждый альбом группы, каждый концерт – самое важное событие в жизни”.

“– Что вы чувствуете, когда выходите на сцену и вас восторженно приветствует несколько тысяч зрителей?

– Счастье”.

“– Что вы считаете самым главным мужским аксессуаром?

– Господи, вы серьезно об этом спрашиваете? Откуда я знаю?”.

“– Какой вы видите идеальную женщину?

– Я не задумывался над таким вопросом. Мне кажется, что бессмысленно искать кого-то идеального. Надо любить, что есть”.

“– Вы верующий человек?

– Мне проще сознавать, что я сам за все отвечаю”.

* * *

На следующий день Марина вместе с фотографом – Сережей Беловым, считавшимся одним из лучших фотографов Гродина, ожидали Олега Видаля в кафе “Хемингуэй”. Он пришел вместе с владельцем кафе – тем самым Николаем Сухаревым, благодаря которому организовалось это интервью. Марина знала Ника в лицо, так как он входил в число постоянных рекламодателей “Бизнес-леди”. Николай Александрович велел подать на столик кофе с самыми лучшими десертами и, пожелав приятной беседы, ушел.

Видаль, одетый в черную джинсовую куртку и серые джинсы, сел напротив Марины и поднял на нее светлые глаза, очерченные довольно густыми для мужчины его возраста ресницами. Марина призадумалась – вдруг он их подкрашивает, но потом поняла, что нет...

– Почему вы меня так рассматриваете? – спросил Видаль с полуулыбкой, в которой таилась доля смущения. Наверное, Марина слишком уж долго думала о его ресницах.

– Извините, – смутилась Марина. – Мы поговорим с вами, а Сережа будет вас снимать.

Зачем она ему это говорит? Он что, деревенская лошадь, которая никогда не видела фотографов?

– Хорошо, – улыбка Видаля проявилась чуть заметнее. – Задавайте ваши вопросы.

Интервью началось и пошло своим чередом. Как бы ни волновалась Марина вначале, как бы ни комплексовала и ни чувствовала себя дурочкой, через несколько минут после того момента, как она включила диктофон, ей стало спокойно и комфортно.

Видаль говорил обо всем просто и откровенно, возможно, потому что ему нечего было скрывать. Музыка была смыслом его жизни, и все, что он делал, он делал только ради музыки.

– Вы когда-нибудь признавались в любви? – спросила Марина, потому что ответ на этот вопрос в женском журнале был бы очень кстати.

– Да, – сказал он, закуривая.

– А как именно?

– В смысле?

Видаль прищурился от дыма и наморщил лоб. Это выглядело так, будто подобные вопросы доставляют ему страдание.

– Какими словами? – Марина чувствовала себя уже неловко.

Наверное, пожалев девочку-журналистку, рок-звезда ответила:

– Мне признаваться в любви проще, чем кому-нибудь другому. Я просто пишу песню той женщине, в которую влюблен.

– А какие из ваших песен были написаны как признание в любви?

– Ну, вы настырная! – рассмеялся он. От его смеха она тоже немного повеселела. – “Последнее утро”, “Пространство”, “Фотография” и кое-что еще.

– Спасибо. А что вы скажете о своем новом альбоме “Разведка боем”? Мне кажется, он отличается от вашего творчества в целом?

– Да, он жестче, тяжелее. И темы немного другие, больше социальных моментов, больше реальной жизни, чуть меньше романтики.

– Почему?

Видаль снова наморщил лоб, поставив брови домиком. Вот теперь он точно не был рад вопросу.

– Если не для журнала, то отвечу. Вам лично.

– Но... Ладно, давайте не для журнала.

Марина выключила диктофон и развесила уши. Оказалось, историю эту она уже знала:

– Я всегда думал, что лирика приносит людям радость, – задумчиво начал Видаль, – она помогает в любви и делает жизнь лучше, но не так давно случился инцидент. Я тогда приехал в Гродин после концертного тура и остановился в гостинице, в “Постоялом дворе”. Номер выбрал на десятом этаже, потому что люблю жить повыше над землей. Однажды я вернулся туда после каких-то дел в городе и увидел девочку лет семнадцати. Она как-то пробралась в номер и ждала меня там. Девочка вдруг стала бросаться мне на шею, а я попытался уговорить ее уйти. Хотел дать охранникам денег, чтобы отвезли ее домой и передали родителям... Мне очень повезло, что я был не один, со мной в номер поднялись ребята из группы, ведь потом пришлось объясняться в суде. После того, как я попросил ее поехать домой, она выскочила на балкон и стала грозить, что спрыгнет. Сказала, что если она убьет себя, то я ее никогда не

забуду. Я пообещал ей все, что она хочет, только пусть вернется в комнату. Но как-то неуверенно, наверное. До сих пор думаю – что я не так сказал?..

– И она...

– Да, она бросилась вниз с балкона. Потом было разбирательство, ее отец стал обвинять меня чуть ли не в содеянии. Был суд, пришлось оправдываться перед чужими людьми. Если бы у меня не было свидетелей, меня бы, наверное, посадили. Да и девочку ту было очень жалко: она же подросток – наслушалась песен о любви и... вот, так получилось. Теперь я уже не думаю, что лирика – это так уж безопасно.

– Да, я тоже помню эту историю, только не могла себе представить, что она вот так отразится на вашем творчестве

– Все всегда отражается на творчестве, – сказал он грустно, возможно, припомнив что-то еще, о чем говорить не собирался.

Марина видела, что воспоминания о самоубийце Видалю не слишком приятны, но удержаться от продолжения разговора на столь волнующую тему она не могла. Пусть эта информация и не пригодится, но ей, как журналисту, нечасто выпадала возможность заглянуть в чью-то душу и услышать действительно интересную историю из первых уст.

– Об этом писали все, кроме нашего журнала – мы не публикуем у себя ничего мрачного, печального и депрессивного. Только позитив. Но я читала все, что писали о той девочке. Все решили, что она была просто фанаткой, сумасшедшей, это правда?

– Не знаю. Я видел ее только несколько минут до смерти. Она была в ужасном состоянии. А какой она была в жизни, на самом деле – не знаю. Вообще, фанаты разные бывают – кто-то сумасшедший, а кто-то и нет. Страшно, когда люди принимают слова песен как руководство к действию, придумывают что-то, верят в это и чуть ли не убить готовы за свои выдумки. Но наши фанаты – нормальные пацаны и девчушки, вполне воспитанные, доброжелательные. У меня с ними полное взаимопонимание. А та девушка – нечто иное. Так и Карелин считает, он работает с фан-клубом “Алхимика”, всех их хорошо знает.

Видаль замолчал, отпил глоток кофе и, чуть прищурившись, рассеянно посмотрел на улицу сквозь панорамное окно.

– А вы как к моей музыке относитесь? – неожиданно спросил он, переводя взгляд с пейзажа на интервьюера.

Марина немного смутилась:

– Здесь вопросы задаю я.

Оценив шутку, он ободряюще улыбнулся.

– Могу я пригласить вас сегодня вечером на мое выступление? Здесь, в “Джазе”. Мы с Ником вместе в школьной рок-группе играли и решили сегодня юность вспомнить. Будет весело. Если хотите, возьмите с собой своего парня или подругу.

И Видаль вручил Марине пригласительный билет.

– Спасибо, я приду.

* * *

Она и вправду пришла вечером на концерт “Алхимика”. С собой никого не привела, потому что было некого. Подруги занимались в воскресный вечер своими делами, а парень, понятно, у Марины отсутствовал.

Выступление команды Видаля планировалось в главном зале “Джаза”. В пригласительном было указано место за столиком, в вип-секторе, недалеко от сцены. Марина оказалась рядом с несколькими знакомыми рекламодателями, и они – вот чудо! – не постеснялись узнать ее.

Видаля, правда, пришлось подождать. Он опоздал к началу чуть ли не на полчаса. О причине опоздания Марина узнала из случайно подслушанного разговора. К гостям за соседним столом, а это были сами “алхимики”, подсел Сухарев и тихо рассказал, что на Олега напала какая-то ненормальная и плеснула в него кислотой. Он успел прикрыть лицо рукой, но на руке теперь ожог. Олег позвонил Сухареву и попросил предупредить, что он уже едет в “Джаз” из травмпункта.

А ненормальную поймали, оказалось, что она даже не знала, кто такой Видаль. Дамочка хотела отомстить своему бой-френду, но спутала его с рок-звездой.

Видаля приехал слегка мрачным и с перебинтованной рукой, но как только он вышел на сцену с гитарой, настроение у него наладилось. Он только морщился, когда какое-нибудь движение вызывало боль в руке.

И вечер получился волшебный. Прозвучали самые любимые публикой песни “Алхимика” – “Серые будни крысиного короля”, “Ужас мухи в замкнутом пространстве”, “Мертвые облака”, “Безглазый ангел”. Марина, которая раньше на концертах Видаля не бывала, начала ощущать, как легко попасть под обаяние его музыки, его текстов, его личности. Мелодии Видаля были не липучими, они запоминались сперва как ощущения и только потом начинали проникать в память, а оттуда – в сердце.

После выступления “алхимики” спустились в зал и вновь заняли места за соседним столиком.

– Марина, пересаживайтесь к нам, – предложил Видаль журналистке. – Нам будет приятно.

Подумав с полсекунды, Марина приняла его приглашение.

“Алхимики” оказались ребятами простыми и веселыми. Гитарист Володя и клавишник Денис были совсем молодыми, кажется, даже моложе Марины, остальные – старше, такие как Видаль. С ними за столом сидел и Сухарев, а также менеджер группы Виктор Карелин и еще какие-то люди. Были и женщины – чьи-то жены. Марина, в конце концов, запуталась в том, кто есть кто, но это уже было неважно.

Все основательно выпили. Видаль погрузился в свои мысли, откуда его все время выдерживали вопросами и тостами. Он терпел это с виноватой улыбкой, страдальчески поднимая левую бровь. Наконец, около трех ночи гости стали расходиться.

– Я вас провожу, Марина, – сказал Видаль.

Они взяли такси, и поехали к ней.

Не стоило бы и спрашивать себя, почему они оказались в постели. И все-таки наутро Марина спросила – на черта ей это было нужно? Но сама же себе и ответила: она свободная женщина, пережившая неудачный брак и развод, ей необходимо было что-то освежающее, что-то такое, что можно вспомнить без стыда и омерзения. Вот поэтому Видаль и возник в ее жизни.

Зачем-то она и к гостю в своей кровати полезла с тем же вопросом. Журналистка, блин...

– Ну, я подумал, что это пойдет на пользу твоему интервью, – сказал он, вполне довольный своим ответом.

Он валялся на постели практически голый, закинув руки за голову, и смотрел в окно на облака. Марина легла рядом, спрятав озябшие ноги под одеяло, положила голову ему на плечо. Наслаждаясь теплом его тела, зарылась пальцами в седеющую шерсть на его груди.

Видаля повернулся к Марине лицом и сбросил с нее одеяло.

– Иди ко мне, – сказал он чуть хрипло, – иди, я сейчас объясню тебе, почему...

Алла позвонила Марине около одиннадцати утра. Марина честно сказала, что была на выступлении Видаля в “Джазе” и поэтому проспала. Алла на это ответила, что ну и ладно. Если уж совсем не хочется на работу – можно не ходить.

В доброте главного редактора не было ничего особенного – у них в редакции приоритет отдавался качеству работы, а не количеству просиженных в офисе штанов. Алла только потребовала сдать интервью литературному редактору до завтрашнего вечера.

Марина и Олег весь день не выбирались из кровати, а вечером отправились куда-нибудь поесть. Следующую ночь он тоже провел у Марины, а утром она оставила ему прощальную записку и попросила захлопнуть за собой дверь.

* * *

Весь день Марина работала с чудесным настроением человека, только что вернувшегося с Бразильского карнавала. Ей было не жаль, что все так случилось и не жаль, что все осталось в прошлом. Она не могла себе даже представить, что отношения со звездой такого калибра, как Видаль, могут иметь хоть насколько-то прочную основу. Конечно, эти люди с кем-то живут, на ком-то женятся, но не на смазливых провинциальных журналистках, это же ясно. Да и сама Марина не была готова к серьезным переменам в своей жизни.

Пусть все будет так, как будет.

Интервью она сдала в срок. Теперь, после правки литредактора, ей надо завизировать текст у Видаля. Станет ли эта формальность поводом для встречи или нет – это уже не имело большого значения.

Но они встретились, прямо в тот же вечер. Видаль снова оказался у Марины дома.

– Марин, а можно я у тебя еще пару дней поживу?

Она не знала, что и сказать. С одной стороны – ей не жалко, пусть живет. Но с другой – она бы не хотела к нему привыкнуть за эти несколько дней. В сущности, Антон, ее бывший муж, был прав: она была курицей, из разряда тех женщин, которые созданы для постоянных отношений. Ей нравилось спать с одним и тем же мужчиной, ей нужно было готовить кому-то завтраки, о ком-то волноваться – не простудится ли без шапки, не опоздает ли на работу? Эта куриная часть ее сути иногда пряталась на задний план, как это было сейчас, после развода. А вот если Видаль тут обоснуется на некоторое время, после его отъезда Марине будет непросто отвыкать от мужчины в своем доме. Да еще и такого необыкновенного мужчины.

Она так и хотела ему ответить – прости, мол, не стоит у меня задерживаться. К чему всякие реверансы? Видаль не показался ей идиотом, более того, она уважала его настолько, что могла сказать правду.

Только он и сам захотел кое-что объяснить:

– Я бы не стал навязываться, только мой номер в гостинице сожгли.

– Как это? Опять сумасшедшие фанатки?

– Не знаю, – его брови жалобно приподнялись над переносицей. – Утром я проснулся, выпил кофе, включил телефон, и тут мне Витька звонит: твой номер вчера ночью сгорел. Хорошо, черт побери, что я гитару оставил в “Джазе”! Съездил в гостиницу, в милицию съездил – никто ничего не понял. Кажется, мне в окно бросили бутылку с зажигательной смесью.

– Коктейль Молотова, – уточнила Марина, обдумывая план действий.

Дело в том, что она в тот момент слегка струсила. Что, если Видаля выследят эти безумные фанатки и решат разобраться с ним здесь, в чужой съемной квартире? Марине ни за что не осилить ремонта после пожара, даже на этих несчастных тридцати квадратных метрах. Конечно, сюда, на шестой этаж, бутылку с бензином забросить будет сложно, но мало ли что им в голову взбредет?

– Марина, ты не беспокойся, – сказал Видаль, совершенно верно истолковав ее нерешительность. – Я не хочу, чтобы ты рисковала хоть чем-нибудь. По той же причине я не поеду жить и к родителям. У меня в Гродине мама с папой живут. Я же могу снять другой номер. Или поселиться у Сухарева.

Тут же зазвонил его телефон. Он вышел с ним на кухню.

– Мне нашли жилье, – сказал он, возвращаясь. – Я поехал.

– Олег... – Марине было так стыдно за свою трусость! – Я и вправду испугалась, прости меня, пожалуйста! Но если ты захочешь встретиться – я приеду к тебе.

Он вдруг улыбнулся ей улыбкой профессионального обаяшки:

– Поехали сейчас. Я буду жить один в пустом загородном доме. Отпросись с работы на три дня и – поехали!

Три дня вместе с Олегом Видалем... За это стоило рискнуть работой. Да фиг с ней, честное слово. Даже если демократичная и снисходительная Алла выпрет-таки Маринку из редакции, и ей придется отдаться в какую-нибудь голимую пресс-службу из числа особо презираемых, она готова и на это. Ей всего-то двадцать пять, время глупостей еще не закончилось!

Загородный дом принадлежал одному поклоннику Видаля, очень даже обеспеченному человеку. Он доставил своего кумира с девушкой в особняк, не забыв заполнить холодильник продуктами, а бар напитками. Марине показалось, что владелец дома предполагал, что у Видаля будет дамская компания, и сам знал толк в подобных делах – в доме наличествовало все, что могло разнообразить три дня непрерывного наслаждения, а именно: огромная кровать, джакузи, сауна с бассейном, зимний сад, камин и волчьи шкуры на полу. Так что это были не просто каникулы, а шикарные каникулы.

К вечеру Сухарев привез Видаля гитару, и тогда Марине показалось, что вот это уже точно рай.

* * *

Ночью у Марины снова обострилось болезненное любопытство:

– А у тебя было много женщин?

– А у тебя много мужчин?

Они валялись на полках в сауне, завернувшись в махровые простыни.

– Вопросы все еще я задаю, – Марина, лежавшая на полке повыше, перевернулась набок и оперлась на локоть. Локтю было горячо, но терпеть было можно – они не стали разогревать сауну слишком сильно, потому что Видаля беспокоил ожог на руке.

– Ну? – потребовала она.

– Нет, немного у меня было женщин, – признался он. – Сначала я встречался с подружкой детства, а когда мы расстались, я женился на сестре Артема Орлика. Это...

– Я знаю, кто это.

– Потом я основательно влюбился в одну очень молодую женщину, а потом... В общем, можно считать, и все.

– А случайные связи?

– Нет, не часто. Я как-то всегда был занят, всегда некогда было. Ты вот не поверишь, но у меня всегда одно и то же происходит. Я влюбляюсь, от этого мне хочется работать, а начинаю работать – теряю свою женщину. Даже не могу тебе объяснить – почему. Мне кажется, сейчас я закончу эту песню, этот альбом, этот гастрольный тур и вернусь к любимой весь такой великий... а возвращаться каждый раз было уже не к кому.

Он вздохнул, потянулся и приложил правую ладонь к повязке на левой руке, словно пытаясь прикрыть рану от жара сауны.

– А сейчас? – Марина толком и сама не знала, о чем спрашивает.

– Ты хочешь узнать, считаю ли я нашу связь случайной? – угадал он.

Марина призадумалась: а она сама что считает? И так как не знала, как отвечать на этот вопрос, то и на ответе Видаля настаивать не стала.

Сделав вид, что ему слишком жарко, Олег отправился в бассейн, а минут через пять сауну покинула и Марина.

Те три дня стали для нее не просто днями любви, они излечили Марину от многих вещей – от потаенной и стыдной тоски по мужу, который никакой тоски не заслуживал, от ощущения обреченности, которое иногда заставляло чувствовать себя самым никчемным человеком в этом мире. А ведь самую никчемную Видаль не удостоил бы столь близким знакомством, так-то вот!

Вернувшись в свои будни, Марина просто пошла к Алле и рассказала ей, с кем и как она провела эти дни. И – чудо! Главный редактор сказала своему сотруднику:

– Я рада за тебя. Ты только не скисай, если он вдруг исчезнет. Звезды – они такие.

Марина согласилась с Аллой: да, они такие.

Но Видаль не исчез. То есть, не совсем исчез, а стал временами появляться – приезжать в Гродин, звонить чуть ли не через день. Однажды он привез ей свой новый альбом и сказал, что вот эта, первая песня “Шум уходящий...”, посвящена ей.

– Это признание в любви? – спросила она.

– Ты же знаешь, что это такое...

Это был пик их счастья, и оно длилось почти два года. И в эти два лучших года, и впоследствии, почти до самой своей смерти, Видаль играл в жизни Марины огромную роль. Всегда – роль близкого друга, временами – любовника, но неизменно – человека с другой планеты, который учит смотреть на мир совершенно с иной точки зрения. С какой? Ну, это не объяснить...

А вот в последний год или полтора что-то стало меняться между ними. Марина к этому времени заняла пост главного редактора “Бизнес-леди”, сменив Аллу, ушедшую в состояние жены при очень обеспеченном муже. У Марины теперь была собственная квартира, ее дочь пошла в первый класс здесь, в Гродине. Одиночество совершенно не печалило Марину. И даже если бы толпы женихов забрасывали ее обручальными кольцами с огромными бриллиантами, она вряд ли согласилась бы выйти замуж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.